

Осокин Николай Алексеевич

**История альбигойцев и их
времени**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Алексеевич О.**
История альбигойцев и их времени: Том 1 / Осокин Николай Алексеевич — М.: Книга
по Требованию, 2023. — 604 с.

ISBN 978-5-521-26690-6

ISBN 978-5-521-26690-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая работа составляет первую половину труда, предпринятаго по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ средневѣковой церковной и политической исторіи. Подавленіе первой Реформаци, сопровождавшееся уничтоженіемъ цѣлой національности, долго не перестанетъ быть притягательнымъ и интереснымъ предметомъ для изслѣдователей. Но таково свойство этого вопроса, что, при литературныхъ занятіяхъ имъ, западные ученые не могли не отразить на немъ свои личныя чувства и страсти. Вѣра альбигойская возбуждаетъ въ католичествѣ рядъ непріятныхъ воспоминаній. Судьба альбигойцевъ связала съ собою судьбы папства и католицизма; погибая, они будто увлекали за собою ту теократическую систему, которую такъ страстно ненавидѣли. Это было причиною, что,—послѣ истребленія богословскихъ и историческихъ памятниковъ сектантовъ,—на вѣру и исторію альбигойцевъ легла та таинственность, которая мало способствовала основательному изученію вопроса. Въ то же время, протестантскіе изслѣдователи не могли не видѣть въ реформатахъ XII и XIII столѣтій своихъ единовѣрцевъ. Припоминая ту горькую участь, какая постигла лангедокскихъ мучениковъ вѣры, они окружили ихъ религію тѣмъ ореоломъ, въ какомъ желали ее видѣть, не проникая далеко въ имѣвшіеся источники и не дѣлая должнаго различія между разными направленіями религіознаго свободномыслія. Только въ послѣднее время явились отдѣльныя изслѣдованія, которыя могли пролить болѣе ясный свѣтъ на альбигойскія секты, уяснивъ ихъ

догматическое ученіе, хотя западная наука не имѣетъ связной и общей исторіи Альбигойцевъ, которая бы прослѣдила судьбы средневѣковыхъ сектантовъ, катаровъ и вальдензовъ безразлично, отъ ихъ возникновенія до исчезновенія, вмѣстѣ съ политическими и религіозными слѣдствіями крестовой войны въ предѣлахъ Лангедока.

Русская наука въ вопросѣ альбигойскомъ, какъ и во многихъ другихъ, стоитъ на особенно благопріятной, независимой почвѣ. Мы не причастны тѣмъ религіознымъ и паціональнымъ интересамъ, которые, невольно прорываясь въ изслѣдователь, могутъ затмить чистоту историческаго взгляда. Отдаленные вѣками отъ тѣхъ событій, чуждые имъ по націи, мы можемъ отнестись къ нимъ спокойно и примиренно. Мы не католики и протестанты, чтобы въ дѣло науки вносить жаръ той или другой религіозной страсти. Для насъ каждое историческое явленіе важно лишь въ томъ отношеніи, на сколько пользы оно оказываетъ прогрессу человечества и успѣхамъ цивилизаціи. Авторъ долженъ предупредить, что богословскій элементъ, положенный въ основаніе альбигойскихъ вѣроученій, интересовалъ его не со стороны своей близости къ истинному правовѣрію, а со стороны своего цивилизаторскаго вліянія, — но, исходя и изъ такой оцѣнки, онъ одинаково долженъ былъ придти къ выводамъ, для ереси неблагопріятнымъ. Потому авторъ полагалъ, что было бы несообразно, ни съ его свѣдѣніями, ни съ цѣлью его чисто-историческаго труда, при изложеніи альбигойскихъ вѣроученій, вступать въ какую-либо полемику съ ними или въ какой-либо богословскій анализъ.

Предназначая свою книгу столько-же для полученія ученой степени, сколько для чтенія серьезной публики, авторъ не могъ и не хотѣлъ пренебрегать требованіями популярности и общедоступности изложенія. Авторъ не думаетъ, чтобы при настоящемъ состояніи русской обще-исторической литературы, спеціальная

III

изслѣдованія по какимъ-либо частнымъ и мелкимъ вопросамъ науки Всеобщей Исторіи были уместны; тѣмъ менѣе они полезны въ непосредственныхъ интересахъ публики. Онъ не думаетъ также, чтобы, имѣя подъ руками хорошій живописный матеріалъ, онъ могъ пренебрегать тѣми чертами, которыя „Cansos de la Crozada“ предлагаетъ историку. Въ этой замѣчательной эпопее, составленной современниками, есть тѣ, полныя жизни и движенія, краски, отъ которыхъ было бы неудобно отказаться въ сочиненіи, имѣющемъ въ виду сказанную цѣль. Авторъ пытался дать читателямъ книгу, въ которой интересъ изложенія не былъ бы подавленъ спеціальностью излагаемаго; этимъ объясняются нѣкоторые приемы его работы.

Всесторонняго пониманія историческихъ событій можно достичь только при достаточномъ ознакомленіи съ цѣлою эпохой. Вопросовъ исторіи церковной нельзя отрѣзать отъ политическихъ и социальныхъ; только при связномъ изученіи исторической жизни, постигается роль того и другаго элемента ея. Потому мы посвятили событіямъ современнымъ альбигойству много страницъ, которыя, видимо не подходя къ главному предмету изложенія, тѣмъ не менѣе служатъ къ выясненію его. Этимъ обусловливается и общее заглавіе сочиненія, которое пока кончается рѣшительнымъ и существеннымъ фазисомъ альбигойской исторіи. Это былъ тотъ моментъ ея, когда ересь оказалась подорванной въ смыслѣ политическо-церковной оппозиціи, моментъ, совпадающій съ кончиною Иннокентія III. Судьбы сектантовъ Прованса неразрывно связаны съ личностью этого папы, двигателя и главнѣйшаго дѣятеля той эпохи, который, потому, выступаетъ въ нашей книгѣ на первое мѣсто.

Такіе предѣлы, объемъ и содержаніе выходящаго теперь тома дѣлають его до нѣкоторой степени отдѣльнымъ сочиненіемъ по исторіи существеннаго періода альбигойства. Слѣдующій и послѣдній томъ будетъ

IV

имѣть предметомъ: патріотическую реакцію, возникшую въ Лангедокѣ послѣ Монфорова завоеванія, окончательное паденіе независимости тулузскихъ графовъ, подчиненіе Лангедока французской коронѣ, инквизиторскія гоненія на послѣднихъ альбигойскихъ еретиковъ до полного исчезновенія ихъ въ XV столѣтіи, судьбы вальдензовъ по отношенію къ позднѣйшимъ протестантамъ, вліянія альбигойцевъ и вальдензовъ и историческое значеніе ихъ. При второмъ томѣ будетъ приложено подробное оглавленіе. Онъ можетъ быть оконченъ ранѣе исхода будущаго года, такъ-какъ для составленія его слѣдовало-бы произвести работы въ заграничныхъ архивахъ. Авторъ сознаетъ, что онъ не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ задачи, широко имъ поставленной. Имѣя въ виду восполнить важный пробѣлъ въ наукѣ, онъ смотритъ на свой трудъ какъ на попытку составить общую исторію провансальской средневѣковой Реформаціи. Руководствуясь собственнымъ планомъ, онъ пользовался для такой цѣли спеціальными иностранными пособіями и исходилъ изъ современныхъ свидѣтельствъ, критически провѣренныхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

(ВВЕДЕНИЕ).

Введение.—Папа Иннокентій III. Политическое состояние Европы въ началѣ XIII столѣтія. Обзоръ феодальной, государственной и социальной исторіи Лангедока въ связи съ причинами альбигойскихъ ересей.

I.

18 іюня 1209 года, въ Санъ-Жиллѣ, одномъ изъ городовъ Лангедока, совершался торжественный обрядъ церковнаго покаянія надъ графомъ тулузскимъ, Раймондомъ VI. Толпы народа окружали площадь передъ городскимъ соборомъ; въ рядахъ гражданъ были рыцари и вассалы, какъ невольные свидѣтели униженія своего сузерена. Могущественный государь, родственникъ королей аррагонскаго, англійскаго, французскаго, смирился передъ силою непреклоннаго папы. Три архієпископа, девятнадцать епископовъ, все окружное духовенство присутствовало при церемоніи. Впереди всѣхъ видѣлся папскій легатъ Милонъ, представитель первосвященника и исполнитель наказанія. Графъ, обнаженный до пояса, босой, со свѣчей въ рукѣ, опустился на колѣни передъ легатомъ. На паперти, противъ церковныхъ дверей, возвышался набой; на немъ лежали дары Христовы и реликвіи. У ногъ легата Раймондъ молилъ о пощадѣ. Онъ самъ прочелъ длинный списокъ своихъ преступленій передъ Церковью, обязываясь и теперь и впредь во всемъ беспрекословно подчиняться повелѣніямъ папы и его легатовъ; графъ тулузскій отказывался отъ всякой свободы въ дѣйствіяхъ. Шестнадцать вассаловъ тутъ же подтвердили присягу своего государя. Тогда легатъ поднялъ Раймонда, накинулъ веревку ему на шею, взялъ концы ся

въ руку и повелъ его въ церковь; пучкомъ розогъ онъ сталъ бичевать его. Въ слезахъ покаянія, а можетъ быть и горькаго оскорбленія, Раймондъ распростерся на амвонѣ церковномъ. Тогда легать далъ ему отпущеніе именемъ «господина папы Иннокентія III». Народъ напиралъ на церковь; вернуться изъ нея тѣмъ же дверьми было невозможно. Бичеванный, въ одной рубашкѣ, графъ долженъ былъ невольно пройти мимо гробницы блаженнаго Петра де-Кастельно. Въ духовенствѣ пробѣжалъ говоръ о справедливомъ судѣ Божиѣмъ; память святаго была отомщена ⁽¹⁾...

Такъ карала Церковь тѣхъ, которыхъ она подозрѣвала въ отступничествѣ или хотя въ нерадѣніи къ католицизму.

Графъ тулузскій совершилъ самое ужасное преступленіе для того времени. Онъ покровительствовалъ еретикамъ...

Это происходило въ началѣ XIII столѣтія. То было временемъ полного господства церковно-католическихъ идеаловъ. Папская гегемонія приобрѣла тогда силу историческаго факта. Не только графъ тулузскій, но и всѣ государи европейскіе преклонялись передъ авторитетомъ римскаго первосвященника. Извѣстно, какія представленія соединяются съ понятіемъ о среднихъ вѣкахъ вообще. Но то столѣтіе, въ которомъ главнымъ образомъ совершается рядъ событій, излагаемыхъ въ этой книгѣ, было полнымъ ихъ выраженіемъ. Средніе вѣка будто воплотили въ немъ свою цивилизацію, которая является въ тѣ моменты съ лучшими своими сторонами. Рядомъ съ богатствомъ фактовъ въ сферѣ политической и юридической, этотъ вѣкъ представляетъ замѣчательную духовную производительность ⁽²⁾. Если количествомъ великихъ умовъ опредѣляется цивилизующее значеніе эпохи,

⁽¹⁾ Petrus Vallium Cernay. *Historia Albigensium*; c. 12.— *Processus negotii Raymundi comitis Tolosani apud Migne*, — *Patrologia*; t. CCXVI, p. 89 — 98. — *Vaissete. Histoire de Languedoc*, cont. par du-Mège; V, 114 — 116.

⁽²⁾ Michelet. *Hist. de France*; VII, 20, intr. (1855) «Le treizième siècle est un siècle littéraire». — Daunou. *Discours sur l'état des lettres au XIII siècle*; 432. *Histoire littéraire de la France*, t. XVI. «Cette activité prodigieuse que les études et les travaux littéraires n'avaient jamais eue en France avant 1200, et qui distingue le treizième siècle»... etc.

то тринадцатое столѣтіе имѣеть право на такой смыслъ. Типичныя стороны средневѣковой жизни какъ бы торопились въ немъ сосредоточиться. Это вѣкъ общинъ, университетовъ, цеховъ, соборовъ, вѣкъ философовъ, юристовъ, поэтовъ, художниковъ, святыхъ. Это вѣкъ Иннокентія III и Фридриха II, Фердинанда III и Альфонса X кастильскихъ, Филиппа Августа, Людовика IX и Филиппа Красиваго, Іакова I Завоевателя, покорителя Мавровъ, вѣкъ аррагонской конституціи и англійскаго парламентаризма, вѣкъ богатства городовъ и славы цеховъ, вѣкъ Ганзы и городскихъ союзовъ въ Германіи, вѣкъ феодальной расправы и тайныхъ судовъ Вестфалии, вѣкъ римскаго права и статутовъ, — обоготворенія женщины и философіи. Въ духовной исторіи этого столѣтія за именами Альберта Великаго, Рожера Бэкона, Томы Аквинскаго идетъ величавое имя Данте. Но такая сила историческихъ явленій, что съ періодомъ процвѣтанія неразлучны бывають первые моменты паденія. Движеніе присуще исторіи; застои въ дѣйствительности не существуютъ. За тринадцатымъ столѣтіемъ потому начинается разложеніе не только идей выработанныхъ имъ, но средневѣковыхъ вообще.

Столѣтіе это кончается трагическимъ паденіемъ папства, въ лицѣ Бонифація VIII и непосредственно предшествовавшимъ тому сожженіемъ римской буллы. Стремленіе охранить старыя начала и устранить наплывъ противоположныхъ идей ведетъ по необходимости къ борьбѣ, а дѣйствительно борьбою дышетъ тринадцатый вѣкъ. Борьба проникаетъ въ каждую идею и по возможности перерабатываетъ ее къ концу вѣка, такъ что въ Европѣ XIV столѣтія слышится наступленіе новыхъ началъ, началъ скорѣе новаго времени. Во все продолженіе тринадцатаго вѣка идетъ борьба въ разныхъ видахъ и предѣлахъ; тутъ борьба церкви съ ересями, накопленными прежними вѣками; борьба клерикальнаго гнета съ проявленіями свободной мысли въ современной поэзіи сирвентовъ; борьба папъ съ императорами за міровое владѣніе; борьба римской теократіи съ національностями; старыхъ правдъ съ подавляющею идеей римскаго права; феодализма съ королевскою властью; кулачной расправы съ правильнымъ процессомъ; патриціевъ съ цехами; номиналистовъ съ реалистами; «contes и fabliaux» съ аристократическою поэзіей рыцарства; язвительныхъ мейстерсенгеровъ съ сентиментальностью трубадуровъ.

Замѣчательнѣйшее изъ сказанныхъ бореній будетъ предметомъ содержанія этой книги. Предлагаемое сочиненіе имѣетъ въ виду прослѣдить первыя проявленія оппозиціи Римской церкви, сосредоточившіяся особенно на почвѣ южной Франціи. Оно должно потому указать причины и обстоятельства благопріятныя такой оппозиціи, изложить преемственное содержаніе ересей проявившихся вообще до XIV столѣтія, разсказать судьбы послѣдователей этихъ ученій, подробно описать крестовыя войны противъ нихъ предпріятыя, наконецъ изслѣдовать ихъ вліяніе и опредѣлить историческое значеніе религиозныхъ сектъ, столь извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «Альбигойцевъ». Оно же, показавъ происхожденіе главнѣйшей изъ нихъ отъ свободномыслящихъ славянъ восточнаго вѣроисповѣданія, раскроетъ руководящую роль славянскаго племени въ вліятельнѣйшемъ событіи средневѣковой духовной и политической исторіи.

Дѣло альбигойцевъ, какъ увидимъ, было проиграно. Римъ не даромъ велъ борьбу съ такимъ ожесточеніемъ; онъ опасался за самыя дорогіе свои интересы. Ереси разнаго характера и разныхъ оттѣнковъ развивались еще гораздо ранѣе X столѣтія, они имѣли огромное число послѣдователей во всѣхъ концахъ католическаго міра. Къ началу XIII вѣка уже было болѣе сорока различныхъ религиозныхъ сектъ⁽³⁾; тутъ были всевозможныя уклоненія отъ ортодоксальности. Опасность грозила и отъ качества вольнодумства еретиковъ и отъ ихъ численности. Существовали признаки, по которымъ можно было судить о возможности образованія въ тогдашней католической Церкви нѣсколькихъ новыхъ Церквей, какъ позднѣе въ эпоху Реформаціи. Уступокъ, примиренія быть не могло уже и потому, что обѣ стороны являлись представителями направленій крайне противоположныхъ. Вступивъ въ борьбу почти за собственное существованіе, Римъ совершилъ жестокія насилія надъ еретиками. Но съ паденіемъ альбигойцевъ, не пала нравственная сила ихъ протеста, такъ возбуждительно дѣйствовавшая на проявленія

(3) Hahn. Geschichte der neu-manichäischen Ketzer; 49. — Ricchini. Diss. de Cath. (Moneta. 1743) XVII. «Qui vero eorum nominum interpretationem instituunt, hi divinatione magis agunt et conjecturis, quam certis verisque argumentis» etc.